

ВРЕМЯ СОЗДАНИЯ СТЕПЕННОЙ КНИГИ:
В ПРОДОЛЖЕНИЕ ДИСКУССИИ¹

Едва ли какому-либо памятнику древнерусской книжности в последние годы было уделено внимания больше, чем Степенной книге, — в свет вышли ее новое фундаментальное издание, а также целый ряд статей, сборник научных трудов и 3 монографии, специально ей посвященные². Обилие работ, написанных как историками, так и филологами и содержащих порой взаимоисключающие друг друга точки зрения, наглядно демонстрирует сложность ключевых вопросов, связанных с изучением этого важного произведения древнерусской литературы. К числу подобных вопросов относится вопрос о времени его создания. В историографии существует две основные точки зрения на этот счет³.

Согласно первой, получившей наибольшее распространение в историко-филологической литературе XX—XXI в. — в схематичном виде она представлена М. Я. Диевым, в развернутом — П. Г. Васенко и автором этих строк, Степенная книга составлялась не позднее 31 декабря 1563 г.⁴ Согласно второй точке зрения, в кратком виде представленной Н. Н. Покровским⁵ и в более полном виде С. Н. Богатыревым, памятник создавался в середине 60-х годов XVI в.⁶

За, казалось бы, чисто источниковедческой проблемой стоит исключительно важный конкретно исторический вопрос: имеющий явно назидательный характер памятник, писавшийся,

¹ Работа подготовлена при поддержке гранта Президента РФ для поддержки молодых ученых (проект № МД-209.2012.6).

² Степенная книга царского родословия по древнейшим спискам. Тексты и комментарии в трех томах / Отв. ред. Н. Н. Покровский и Г. Д. Ленхофф. М., 2007–2012. Т. 1–3; *Сиренов А. В.* Степенная книга: история текста. М., 2007; *Его же.* Степенная книга и русская историческая мысль XVI–XVIII вв. М.; СПб., 2010; *Усачев А. С.* Степенная книга и древнерусская книжность времени митрополита Макария. М.; СПб., 2009; *The Book of Royal Degrees and the Genesis of Russian Historical Consciousness* / Ed. by G. Lenhoff, A. Kleimola. Bloomington, 2011. Перечень работ последних лет, посвященных Степенной книге, см.: *Усачев А. С.* Степенная книга и древнерусская книжность времени митрополита Макария. С. 697–719; *Его же.* Комментарии к Степенной книге: некоторые дополнения // *ДРВМ.* 2012. № 4 (50). С. 108–119; [*Буланин Д. М., Творогов О. В.* Библиографические дополнения к статье «Афанасий (в миру Андрей)»] // *СККДР.* СПб., 2012. Вып. 2. Ч. 3. С. 20–29; Степенная книга царского родословия по древнейшим спискам. Тексты и комментарии в трех томах. Т. 3: Комментарий / Сост. Г. Д. Ленхофф. М., 2012. С. 438–470; *Erusalimskii K.* [Rev.] // *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History.* 2012. Vol. 13. № 3. P. 725–735.

³ Восходящее к В. Н. Татищеву и отвергнутое всей историко-филологической наукой XX в. мнение о существовании домакарьевской редакции Степенной книги в настоящее время трудно рассматривать как серьезную научную гипотезу, требующую специального разбора.

⁴ Подробнее см.: *Васенко П. Г.* «Книга степенная царского родословия» и ее значение в древнерусской исторической письменности. СПб., 1904. Ч. 1. С. 214–217; *Усачев А. С.* Забытое мнение о Степенной книге (Из неопубликованного наследия М. Я. Диева) // *АЕ* за 2004 год. М., 2005. С. 77–84; *Его же.* Степенная книга и древнерусская книжность времени митрополита Макария. С. 125–197.

⁵ *Покровский Н. Н.* Томский список Степенной книги царского родословия и некоторые вопросы ранней текстологии памятника // *Общественное сознание и литература XVI–XX вв.* Новосибирск, 2001. С. 4, 41–43. В своей более поздней работе Н. Н. Покровский, не привязывая создание Степенной книги к конкретным датам, предпочитает говорить о ней как о результате воплощения замысла митрополитов Макария и Афанасия; время написания и редактирования древнейших списков Степенной книги историк относит к «предельно близкому к установленному П. Г. Васенко периоду (1560–1563 г. — А. У.) создания самого памятника» (см.: *Покровский Н. Н.* Исторические концепции Степенной книги царского родословия // *Степенная книга царского родословия по древнейшим спискам. Тексты и комментарии в трех томах.* М., 2007. Т. 1. С. 90).

⁶ *Bogatyrev S.* The Book of Degrees of the Royal Genealogy: The Stabilization of the Text and the Argument from Silence // *The Book of Royal Degrees and the Genesis of Russian Historical Consciousness.* P. 51–68; *Богатырев С. Н.* Датировка Степенной книги // *ДРВМ.* 2012. № 4 (50). С. 77–94. В силу того что в наиболее полном виде точка зрения С. Н. Богатырева представлена в его второй работе, ниже мы будем основываться на его публикации 2012 г.

по-видимому, непосредственно для Ивана IV ближайшим к нему лицом⁷, создавался до или во время опричнины? Иными словами, в какой период времени у многолетнего духовника царя Андрея-Афанасия и у других связанных с ним книжников еще оставались надежды нравственными примерами прошлого направить деятельность русского царя в иное морально-этическое и, в конечном счете, социально-политическое русло?

Кратко приведем основные аргументы в пользу этих точек зрения. Они основаны как на данных текста Степенной книги, так и на анализе кодикологических особенностей ее древнейших списков — Волковского, Томского и Чудовского⁸.

Доводы сторонников ранней датировки

Основным аргументом в пользу мнения о написании Степенной книги не позднее 31 декабря 1563 г. является отсутствие упоминания в ее тексте о смерти наиболее вероятного инициатора ее создания — митрополита Макария (в начале каждой степени/границы приводятся имена митрополитов и сроки занятия ими всероссийской кафедры; в 17-й степени последним значится Макарий). Наиболее поздним по хронологии известием Степенной книги является сообщение о взятии Полоцка 15 февраля 1563 г. (основной текст памятника доведен до описания событий начала 1560 г.). На этом основании П. Г. Васенко и датировал памятник временем между 1560 и 1563 г. (не позднее 31 декабря 1563 г.).

Следующим важным аргументом является время бытования бумаги древнейших списков памятника — Волковского, Томского и Чудовского. Согласно точке зрения автора этих строк, рассмотревшего филигранологический материал около 200 датированных рукописных книг и нескольких десятков подлинников актов XVI в., период наиболее активного использования бумаги, характерной для рукописи, содержащей Томский список (водяной знак «кабан» двух видов), приходится на середину — вторую половину 50-х годов XVI в.; случаи использования бумаги, привлеченной к написанию рукописей, содержащих Волковский и Чудовский списки, фиксируются как в 50-е, так и в 60-е годы XVI в. Опираясь на представленную А. В. Сиреновым схему взаимоотношений древнейших списков Степенной книги — согласно его мнению, древнейшим является Волковский, на основе которого был создан Томский, послуживший источником Чудовского⁹, мы высказали предположение о начале работы над Волковским и Томским списками в середине — второй половине 50-х годов XVI в., определив начало 60-х годов как наиболее вероятное время создания Чудовского списка¹⁰.

Аргументы в пользу поздней датировки

Впервые в историографии Степенной книги специально обратившись к кодикологическому анализу Томского и Чудовского списков, Н. Н. Покровский при датировке памятника придал большое значение известной записи на Чудовском списке («Книга Чудова монастыря, собрана смиренным Афанасием, митрополитом всея Руси»¹¹). В ней ее наиболее вероятный составитель

⁷ О назначении и наиболее вероятном адресате Степенной книги подробнее см.: Васенко П. Г. «Книга Степенная царского родословия» и ее значение в древнерусской исторической письменности. Ч. 1: отзыв академика А. И. Соболевского // СОРЯС. 1907. Т. 82. № 6. С. 8–9; Кусков В. В. Степенная книга как литературный памятник XVI века. Дисс... канд. филол. наук. М., 1951. С. 75; Флоря Б. Н. Иван Грозный. М., 1999. С. 105; Макарий (Веретенников), архим. Афанасий // ПЭ. М., 2001. Т. 3. С. 708; Покровский Н. Н. Исторические концепции Степенной книги царского родословия. С. 93; Усачев А. С. Степенная книга и древнерусская книжность времени митрополита Макария. С. 665–687; Ленхофф Г. Д. Степенная книга: замысел идеология, адресация // Степенная книга царского родословия по древнейшим спискам. Тексты и комментарии в трех томах. Т. 1. С. 144; Halperin Ch. Royal recreation: Ivan the Terrible goes hunting // Journal of Early Modern History. 2010. Vol. 14. № 4. P. 312.

⁸ РГАДА. Ф. 181 (РОБ МГАМИД). № 185; Томский областной краеведческий музей. № 7903/2; ГИМ. Собрание Чудова монастыря. № 56/358.

⁹ Подробнее о характере взаимоотношений древнейших списков Степенной книги см.: Сиренов А. В. Степенная книга: история текста. С. 101–218.

¹⁰ Усачев А. С. Степенная книга и древнерусская книжность времени митрополита Макария. С. 141–167.

¹¹ ГИМ. Собрание Чудова монастыря. № 56/358. Л. 3–9.

фигурирует уже как митрополит. На этом основании исследователь, в целом принимая датировку П. Г. Васенко, предположил, что Чудовский и Томский списки создавались в период пребывания Афанасия на всероссийской кафедре, т. е. около 1564–1566 г., допустив, что работа могла продолжаться и при митрополите Филиппе (1566–1568 г.)¹².

В связь с вопросом о времени написания Степенной книги С. Н. Богатырев поставил датировку так называемого Свода 1560 г., отраженного в Львовской летописи¹³. Его составление Б. М. Клосс относил к середине 60-х годов XVI в.¹⁴ Как уже было отмечено в историографии¹⁵, окончание текста этого памятника и основного текста Степенной книги совпадают — они заканчиваются известиями февраля 1560 г. Не согласившись с нашей гипотезой об использовании в Степенной книге источника Свода 1560 г. (возможно, продолжения Летописца начала царства до 1560 г.)¹⁶, историк предположил, что был привлечен непосредственно этот памятник. Так, исследователь привел ряд фрагментов Свода 1560 г., которые ближе к Степенной книге, чем иные известные нам письменные источники¹⁷.

Справедливо указав на то, что данные филигранологического анализа не могут дать окончательного ответа на вопрос о времени написания древнейших списков Степенной книги (историк обратил внимание на возможность значительной — до 10 лет — залежности бумаги), С. Н. Богатырев склонен датировать памятник временем не ранее составления Свода 1560 г., т. е. периодом не ранее середины — второй половины 60-х годов XVI в.¹⁸

Имеющийся в нашем распоряжении материал побуждает нас вновь обратиться к вопросу о времени написания Степенной книги и не только признать справедливость ряда замечаний сторонника ее поздней датировки¹⁹, но и высказать ряд соображений критического характера.

Филигранологические данные Волковского, Томского и Чудовского списков

С. Н. Богатырев, безусловно, прав, отмечая, что предложенная нами «датировка филигранный «кабан» не является абсолютной»²⁰. Однако в данном случае мы исходили из степени вероятности использования соответствующей бумаги. Так, в ходе изучения датированных рукописей и подлинников актов нам удалось выявить целый ряд случаев использования данной бумаги в России в 1553/1554–1558/1559 г. Точно датированных случаев использования этой бумаги в следующем десятилетии (за исключением вставки в Томском списке Степенной книги листов, содержащих рассказ о взятии Полоцка в 1563 г.) нам обнаружить не удалось. Это, конечно, не значит, что бумага этого вида не могла использоваться в 60-е годы XVI в. — наш критик справедливо указывает на возможность ее более или менее длительной залежности (порой она могла достигать трех десятилетий²¹).

¹² Покровский Н. Н. Томский список Степенной книги царского родословия и некоторые вопросы ранней текстологии памятника. С. 41–43.

¹³ Памятник не издан и известен в ряде списков, древнейшими из которых являются списки рубежа XVI–XVII в. — Румянцевский (РГБ. Ф. 256. № 255) и Архивский (РГАДА. Ф. 181. № 11). Описание этих списков см.: Клосс Б. М. Никоновский свод и русские летописи XVI–XVII вв. М., 1980. С. 203–205.

¹⁴ Там же. С. 202–203; Клосс Б. М. Об издании летописного Свода 1560 г. // Летописи и хроники. 1980. М., 1981. С. 215–222.

¹⁵ Усачев А. С. Степенная книга и русское летописание 60-х г. XVI в.: постановка проблемы // ДРВМ. 2005. № 3 (21). С. 107–108; *Его же*. Степенная книга и древнерусская книжность времени митрополита Макария. С. 252.

¹⁶ Усачев А. С. Степенная книга и древнерусская книжность времени митрополита Макария. С. 252–259.

¹⁷ Богатырев С. Н. Датировка Степенной книги. С. 81–84.

¹⁸ Там же. С. 78–80.

¹⁹ Так, отстаиваемая нами ранее жесткая привязка процесса составления основного текста Степенной книги к 1560 г., на котором обрывается основной текст памятника, нам в настоящее время представляется излишне категоричной — в своих более поздних работах мы предпочитаем время создания памятника относить к рубежу 50–60-х годов XVI в. (см., например: Усачев А. С. Древнерусская книжность эпохи митрополита Макария: Книга Степенная царского родословия. АДД. М., 2010. С. 35). Также очевидна условность выделяемых нами этапов в оформлении текста памятника.

²⁰ Богатырев С. Н. Датировка Степенной книги. С. 78.

²¹ Подробнее о проблеме «залежности» бумаги см.: Богданов А. П. Основы филиграноведения: история, теория, практика. М., 1999. С. 124–133.

При этом, однако, необходимо отметить, что, согласно накопленным в науке данным, в XVI в. основной массив бумаги — примерно 60–70% объема — потреблялся в первое пятилетие после ее производства; еще около 15–20% потреблялось в течении 6–10 лет от даты ее производства; доиспользование примерно 10% объема бумаги могло затягиваться до 11 и более лет²². Очевидно, что бумага Томского списка явно не попадает в первую группу — как уже отмечалось нами ранее, первый датированный случай ее использования приходится на 1553/1554 г. Наиболее вероятным нам представляется покупка партии бумаги, характерной для Томского списка, книгописным центром, в котором он создавался, в период ее наиболее активного использования в России — между 1553/1554 и 1558/1559 г. Это, в свою очередь, побуждает думать, что к моменту начала работы над Томским списком речь шла, скорее всего, о залежности бумаги от 5 до 10 лет.

Теоретически более длительная залежность тоже возможна. Однако, рассматривая такую возможность, обратим внимание на важный кодикологический казус — Томский список (в отличие от Волковского и Чудовского) был написан на бумаге одной партии. Иными словами, работа над ним велась в тот период, когда в данном книгописном центре был весьма значительный запас бумаги этого вида (в отличие от времени написания Чудовского списка, в котором были явно использованы остатки этой партии — всего 4 листа). Ранее однородность бумаги Томского списка мы сопоставили с наблюдениями А. А. Амосова о потреблении бумаги в двинских монастырях в XVI в. В результате анализа соответствующего материала историк заключил, что основной объем партий бумаги в крупных монастырях потреблялся в среднем за 3–4 года, а затем в течение нескольких месяцев бумага предыдущей партии сосуществовала с бумагой последующей партии; в течение некоторого (порой весьма значительного) времени остатки бумаги предыдущей партии могли использоваться (в виде отдельных листов в массивах более поздней бумаги)²³. Вряд ли в Чудовом монастыре (наиболее вероятное место составления Степенной книги) — одном из крупнейших книгописных центров средневековой Руси, в котором в это время также велась весьма обширная хозяйственная документация²⁴, — бумага потреблялась менее интенсивно.

Это, в свою очередь, дает основания полагать, что, во-первых, время написания (или начала написания) Томского списка, судя по всему, приходится на момент наиболее интенсивного использования данного типа бумаги (по-видимому, он составлял 3–4 года), во-вторых, к моменту переписки Чудовского списка в данном скриптории, скорее всего, был исчерпан основной объем этой бумаги — эта рукопись, вероятно, создавалась уже в период доиспользования бумаги с филигранью «кабан» рассматриваемых видов. Точное время покупки данного типа бумаги неизвестно, но в свете приведенного выше материала наиболее убедительным выглядит хронологический диапазон между 1553/1554 и 1558/1559 г., приходящийся на период наиболее активного использования такого типа бумаги в России. На этом основании можно полагать, что трех-четырёхлетний период ее активного использования (и наиболее вероятное время работы над Томским списком) в этом книгописном центре приходился либо на вторую половину 50-х годов, либо на рубеж 50–60-х годов (если бумага была куплена в середине 50-х годов), либо на начало 60-х годов XVI в. (в случае приобретения бумаги в конце 50-х годов).

Если наш критик прав и работа над Томским списком началась в середине 60-х годов XVI в., придется допустить, что речь должна идти о более чем 10-летней залежности очень крупной партии — 749 листов (как было показано выше, подобная залежность отличала лишь около 10%

²² Там же. С. 130. График 5.

²³ Амосов А. А. Лицевой летописный свод Ивана Грозного. Комплексное кодикологическое исследование. М., 1998. С. 145.

²⁴ Об этом см., например: Хозяйственные книги Чудова монастыря 1585/86 г. / Подг. текста С. Н. Богатырева. М., 1996; Кистерев С. Н. Акты московского Чудова монастыря 1507–1606 гг. // Русский дипломатарий. М., 2003. Вып. 9. С. 59–234.

поступающей в Россию бумаги). В этом случае придется признать, что, в то время как данная бумага активно использовалась в середине — второй половине 50-х годов XVI в. едва ли не по всей Восточной Европе (как в книгописных центрах, так и в типографиях)²⁵, в таком крупном и активно потреблявшем бумагу книгописном центре, как близкий к митрополичьей кафедре московский Чудов монастырь, в течение примерно десятилетия — до середины 60-х годов — в нетронутым виде хранилась очень крупная партия бумаги.

Стремясь снять это очевидное противоречие, историк справедливо указывает на то, что в период Ливонской войны в поступлении европейской бумаги на российский рынок могли возникать перебои. Их следствием могло явиться повышение сроков залежности, вызванное стремлением крупных книгописных центров в военных условиях приобрести бумагу «впрок»²⁶. Вероятно, с нашим критиком в этом вопросе можно было бы согласиться, если бы не одно обстоятельство — бумага Томского списка в России начинает фиксироваться, по крайней мере, с 1553/1554 г. (первый датированный случай ее использования — Торжественник, переписанный в Иосифо-Волоколамском монастыре²⁷), т. е. еще до начала Ливонской войны.

Очевидно, что бумага со знаком «кабан» рассматриваемых видов писцами Томского списка использовалась и после написания его основного текста — вероятно, вскоре после 15 февраля 1563 г., на которое приходится взятие Полоцка — о нем повествует 18-я глава 17-й степени; она, как установили А. В. Сиренов и автор этих строк, в Томском и Чудовском списках появилась не сразу²⁸ (ее объем составляет по 6 листов в каждом из них). Вероятно, к моменту завершения работ над Томским списком запасы использованной в нем очень качественной бумаги данного вида почти полностью иссякли — в написанном несколько позднее основного текста Томского списка Чудовском было использовано лишь 4 листа бумаги этого вида (очевидно, что в данном случае речь идет о ее доиспользовании). На какой же период приходится создание Томского списка?

Данные текста

Стремясь критически пересмотреть основной аргумент сторонников ранней датировки Степенной книги — умолчание о смерти митрополита Макария в ее тексте, а также указание на его поручение создать Житие Владимира (1-я степень), С. Н. Богатырев отмечает, что составитель Степенной книги мог сделать ссылку на поручение Макария и после его смерти²⁹.

Рассматривая такую возможность, следует отметить ускользнувший от внимания историка факт — как уже отмечалось в историографии³⁰, в Томском списке (Л. 706) имя Макария написано основным почерком; имена следующих за ним Афанасия и Филиппа представляют собой уже более поздние приписки³¹. Важно отметить, что в Чудовском списке, воспроизводившем Томский в его первоначальном виде, имен Афанасия и Филиппа вообще нет (Л. 738) (в обоих списках после имени Макария не оставлено и свободного места, достаточного для написания какого-либо другого имени). Это вполне однозначно указывает на то, что, во-первых, к моменту написания начала 17-й степени не только в Томском, но и в Чудовском

²⁵ Подробнее об ареале использования данного вида бумаги, включавшем в себя помимо различных регионов России Сербию и территорию Великого княжества Литовского, см.: Усачев А. С. Степенная книга и древнерусская книжность времени митрополита Макария. С. 141–151.

²⁶ Богатырев С. Н. Датировка Степенной книги. С. 79–80.

²⁷ РНБ. Ф. 550 (Осн. собр.). Ф. I. № 444.

²⁸ См.: Усачев А. С. К вопросу о датировке Степенной книги // ДРВМ. 2005. № 4 (22). С. 39; *Его же*. Степенная книга и древнерусская книжность времени митрополита Макария. С. 180–181; Сиренов А. В. Степенная книга: история текста. С. 200–201.

²⁹ Богатырев С. Н. Датировка Степенной книги. С. 92–93.

³⁰ См.: Сиренов А. В. Степенная книга и русская историческая мысль XVI–XVIII вв. С. 117.

³¹ Как отметил Н. Н. Покровский, данный лист в Томском списке утрачен — он был восполнен позднее (см.: Покровский Н. Н. Томский список Степенной книги царского родословия и некоторые вопросы ранней текстологии памятника. С. 21); его содержание восстанавливается на основе анализа его ранних копий (об этом подробнее см.: Сиренов А. В. Степенная книга и русская историческая мысль XVI–XVIII вв. С. 117–118).

списке Макарий был еще жив, во-вторых, на то, что позднейшее редактирование Томского списка производилось, скорее всего, при митрополите Филиппе, т. е. в 1566–1568 г.³²

Важным, еще в должной мере не оцененным исследователями датирующим признаком является название повествующей о наиболее поздних по хронологии событиях 18-й главы 17-й степени. Оно звучит следующим образом: «О многочюдесной побѣде на ливоньские нѣмцы и о взятии градовъ Ругодива, и Юрьева, и Ракобора, и Велиада, и иныхъ многихъ»³³. Диссонанс между названием главы и заключительным разделом ее текста очевиден: окончание главы непосредственного отношения к «ливонским немцам» не имеет — оно повествует о взятии Полоцка (15 февраля 1563 г.), которое почти на 3 года отстоит от последнего «ливонского» известия (взятия «Велиада», т. е. Феллина, — лето 1560 г.). Очевидно, что Полоцк не мог скрываться в числе «иныхъ» градов — по своему политическому значению взятие Полоцка было гораздо выше, чем едва ли не всех ливонских «градов» вместе взятых. Чем мог обусловливаться этот любопытный казус?

Наиболее вероятным объяснением является то, что данный рассказ перед его включением в Степенную книгу³⁴ писался явно до взятия Полоцка — вероятно, летом или вскоре после лета 1560 г., и лишь на заключительном этапе он был дополнен известием о взятии Полоцка: судя по содержанию заголовка главы, он создавался до 15 февраля 1563 г. Затем рассказ был «механически» переписан в Томском и Чудовском списках помощниками руководителя работ, и по каким-то причинам его заголовок не был отредактирован³⁵.

Настаивая на поздней датировке Степенной книги, наш критик упускает из виду еще один важный момент — очевидный прославляющий деятельность Ивана IV характер памятника. Вряд ли стоит сомневаться в том, что, если бы в распоряжении книжника находились какие-либо источники официального характера, более или менее подробно сообщающие о взятии Полоцка, он бы их использовал (их специальный обзор проведен в работе С. Н. Богатырева³⁶). Однако Степенная книга о главной победе России в Ливонской войне, которую сам С. Н. Богатырев по своему идеологическому звучанию справедливо сравнивает с взятием Казани, сообщает лишь

³² Как показал А. В. Сиренов, на это указывает как упоминание в приписке Филиппа как последнего митрополита, так и отсутствие числа лет, которые он занимал всероссийскую кафедру (Степенная книга при упоминании митрополитов в начале степеней/граней указывает время их пребывания на митрополичьей кафедре). Подробнее см.: Сиренов А. В. Степенная книга и русская историческая мысль XVI–XVIII вв. С. 117–118.

³³ Степенная книга царского родословия по древнейшим спискам. Тексты и комментарии в трех томах. М., 2008. Т. 2. С. 380.

³⁴ Учитывая явно компилятивный характер данного рассказа Степенной книги, в котором сжаты и литературно обработаны летописные (и, вероятно, иные) фрагменты, вряд ли стоит сомневаться, что этот рассказ был написан явно до его включения в Томский список. О некоторых особенностях рассказа Степенной книги о начале Ливонской войны см.: Филюшкин А. И. Изображение Ливонской войны в русском летописании XVI–XVII вв. // Исследования по истории средневековой Руси: к 80-летию Юрия Георгиевича Алексева. СПб., 2006. С. 347–349; Усачев А. С. Степенная книга и Ливонская война // Балтийский вопрос в конце XV–XVI в.: Сб. науч. ст. М., 2010. С. 297–299.

³⁵ Рассматривая процесс работы «команды» книжников над данным памятником, ранее мы показали, что большинство помощников руководителя работ выполняло «техническую» работу по переписке тех или иных фрагментов; лишь одному лицу было поручено внесение смысловой правки (подробнее см.: Усачев А. С. Степенная книга и древнерусская книжность времени митрополита Макария. С. 431–444). Однако, судя по всему, далеко не все разделы памятника ему удалось «вычитать». На это, в частности, указывает отмеченная Н. Н. Покровским формула «имярек» при упоминании государя в молитве, завершающей Житие митрополита Ионы в 14-й степени (см.: Степенная книга царского родословия по древнейшим спискам. Тексты и комментарии в трех томах. Т. 2. С. 216; Покровский Н. Н. Томский список Степенной книги царского родословия и некоторые вопросы ранней текстологии памятника. С. 11). Также не приходится сомневаться и в том, что работа по редактированию Томского и Чудовского списков не была завершена (об этом см.: Покровский Н. Н. Томский список Степенной книги царского родословия и некоторые вопросы ранней текстологии памятника).

³⁶ Bogatyrev S. N. Battle for Divine Wisdom. The Rhetoric of Ivan IV's Campaign against Polotsk // The Military and Society in Russia, 1450–1917. Leiden; Boston; Köln, 2002. P. 325–363.

на нескольких (!) строчках (отметим, что описанию взятия Казани в 17-й степени отведено в несколько десятков раз (!) больше места)³⁷. При этом очевидно, что в руках составителя Степенной книги не было каких-либо письменных источников — скорее всего, книжник основывался на отдельных рассказах участников похода (это, в частности, сближает рассказ Степенной книги с неофициальной Псковской III летописью и современными событиями иностранными источниками)³⁸. Даже если допустить, что в середине — второй половине 60-х годов XVI в. в условиях начавшихся репрессий против ряда боярских родов упоминание о деятельности отдельных воевод, принимавших участие в Полоцком походе, было неуместно, то чем объяснить отсутствие прочих подробностей рассказа о славной победе русского царя (его торжественном въезде в город³⁹) в памятнике, скорее всего, адресованном непосредственно ему? Ответ на этот вопрос предлагаемая С. Н. Богатыревым гипотеза не дает.

Большое значение историк придает скорописной записи на Чудовском списке о «собрании» данной «книги Чудова монастыря» митрополитом Афанасием, занимавшим всероссийскую кафедру с 5 марта 1564 г. по 19 мая 1566 г. По его мнению, содержание этой записи однозначно указывает как на написание Чудовского списка, так и на составление Степенной книги в целом в этот период. Данное мнение основано на предположении о том, что «для московских канцелярий характерно точное воспроизведение титулов и должностей в исторической ретроспективе»⁴⁰.

Это не совсем так — по крайней мере, в ряде случаев ошибки в титулах и статусе (отраженном, в частности, в смене имени при постриге) допускались. Не считая многочисленных поименований древнерусских князей «великими князьями» и «царями» (как в летописных памятниках, так и в Степенной книге), в XVI в. нам известен, по крайней мере, один случай подобной путаницы, что особенно характерно, непосредственно связанный с фигурой Андрея-Афанасия. Речь идет о хорошо известном в историографии случае его поименования в Шумиловском томе Лицевого свода в рассказе о чудесном исцелении во Владимирском Рождественском соборе перед казанским походом 1552 г. иноческим именем. Общеизвестно, что его он начал носить лишь спустя десятилетие (постриг Андрея состоялся между 6 июля 1561 г. и 5 марта 1562 г.⁴¹). Рассказ Лицевого свода основан на Степенной книге, которая, однако, имени исцеленного не содержит; скорее всего, появление данного анахронизма было связано с тем, что соответствующий фрагмент Шумиловского тома писался не Андреем-Афанасием, а иным лицом спустя какое-то более или менее значительное время⁴². Как видим, подобного рода путаница была возможна в крупном книжном центре, в котором создавался Лицевой свод и который, по всей видимости, был связан с тем книжным центром, в котором создавались и правились древнейшие списки Степенной

³⁷ Ср.: Степенная книга царского родословия по древнейшим спискам. Тексты и комментарии в трех томах. Т. 2. С. 357–374 и 388–389. О роли и значении казанской темы в данном произведении см.: Ленхофф Г. Д. Учреждение Казанской епархии и проект создания Степенной книги // ДРВМ. 2012. № 4 (50). С. 95–107.

³⁸ Ранее мы высказали мнение о возможности личного участия Андрея-Афанасия в Полоцком походе (см.: Усачев А. С. Ранняя версия рассказа о взятии Полоцка в 1563 г. в древнерусской книжности // Вестник СПбГУ. Сер. 2: История. 2008. Вып. 3. С. 5; *Его же*. Степенная книга и древнерусская книжность времени митрополита Макария. С. 338). В настоящее время данная гипотеза нам кажется менее убедительной — духовники Ивана IV, принимая постриг, судя по всему, переставали служить в Благовещенском соборе и оставаться духовниками царя (во всяком случае, так поступили предшественники Андрея-Афанасия Федор Бармин и Иаков Дмитриевич — удалившись в Чудов монастырь, они перестали быть духовниками Ивана IV).

³⁹ ПСРЛ. М., 1965. Т. 29. С. 302–316.

⁴⁰ Богатырев С. Н. Датировка Степенной книги. С. 90.

⁴¹ Подробнее см.: Житие преподобного Даниила, переяславского чудотворца, Повесть о обретении мощей и чудеса его. К 400-летию Троицкого Данилова монастыря в Переяславле-Залесском (15 июля 1508 г. — 15 июля 1908 г.) / Изд. проф. С. И. Смирнова. М., 1908. С. XI.

⁴² См.: Усачев А. С. Митрополит Афанасий и памятники русского летописания середины — третьей четверти XVI в. // Летописи и хроники. Новые исследования. 2011–2012. М.; СПб., 2012. С. 255–256.

книги⁴³. Таким образом, независимо от того, кто выполнил эту запись — лично Андрей-Афанасий или кто-то из чудовских писцов⁴⁴, очевидно, что однозначным аргументом в пользу поздней датировки Чудовского списка и тем более всей Степенной книги он являться не может.

Не соглашаясь с высказанным нами ранее предположением об использовании в Степенной книге продолжения Летописца начала царства — наиболее вероятного источника известий Свода 1560 г. за 50-е годы XVI в., С. Н. Богатырев высказал мнение о том, что последний являлся одним из основных источников Степенной книги на всем протяжении ее текста (с повествования о событиях конца XIV в., с которых он и начинается)⁴⁵. Отмеченные нашим критиком параллели Степенной книги со Сводом 1560 г.⁴⁶ представляют большой интерес — продолжение исследования в данном направлении в перспективе даст возможность прояснить ряд вопросов, связанных не только с определением круга источников Степенной книги, но и с историей русского летописания третьей четверти XVI в.

Кроме случаев тематической близости, которые могут рассматриваться лишь как дополнительные аргументы, С. Н. Богатырев фиксирует 3 случая текстуальных параллелей, имеющих первостепенное значение. Обратимся к ним.

В качестве доказательства использования Свода 1560 г. составителем Степенной книги при описании событий конца XIV в. исследователь приводит сообщение о венчании митрополитом Киприаном Василия Дмитриевича и Софьи Витовтовны (3-я глава 13-й степень), полагая, что в других летописях оно не фиксируется⁴⁷. Это, однако, не совсем так — уникальным данный рассказ не является: как уже отмечалось в историографии, в близком к Степенной книге виде он также читается и в ее основном источнике — в Никоновской летописи⁴⁸, см.:

Степенная книга	Никоновская летопись	Свод 1560 г.
«И поять ю великии князь Василии Димитриевичь, вѣнчани же быша в соборной церкви Киприаномъ, митрополитомъ всеа Руси...». (Степенная книга царского родословия по древнейшим спискам. Тексты и комментарии в трех томах. Т. 2. С. 74.)	«И вѣнчан бысть князь великии Василей с Софьею Витофтовою на Москвѣ Киприаном митрополитом всеа Руси». (ПСРА. М., 2000. Т. 11. С. 124.)	«...женился князь великии Василей Дмитриевич, понял княжну Софию Витофтову дочь Кестутевича и венчан бысть Киприаном митрополитом всеа Руси». (Цит. по Румянцевскому списку: РГБ. Ф. 256. № 255. Л. 42.)

⁴³ На основе сравнения состава источников этих памятников, несомненного факта активного использования Степенной книги при создании Лицевого свода и некоторых других данных к этому выводу независимо друг от друга пришли Г. Ленхофф и автор этих строк (см.: Усачев А. С. Международная научная конференция «Лицевой летописный свод царя Ивана IV Грозного как ключевой документ московской историографии и книжного искусства в период между поздним Средневековьем и ранним Новым временем и его место в европейском контексте» // ДРВМ. 2012. № 1 (47). С. 126; *Его же*. Редакторская правка в Лицевом своде и проблема его происхождения // Румянцевские чтения — 2012. М., 2012. Ч. 2: мат. всерос. науч. конф. (17–18 апреля 2012 г.). С. 305).

⁴⁴ Отсутствие автографов митрополита Афанасия (известно лишь два его стереотипных полууставных «рукоприкладства») лишает кодикологической почвы предположение о возможности внесения записи самим Андреем-Афанасием. Содержание записи также не дает оснований для определенных выводов: упоминание о том, что книга «собрана» «**смирным** Афанасием» не может рассматриваться как однозначное указание на то, что запись является его автографом — известны случаи, когда писцы дублировали данную формулу. Например, писец патриарха Никона в записях на книгах указывал на то, что вкладчиком выступал «**смирный** Никон патриарх» (см.: Костюхина Л. М. Записи XIII–XVIII вв. на рукописях Воскресенского монастыря // АЕ за 1960 год. М., 1961. С. 273).

⁴⁵ Богатырев С. Н. Датировка Степенной книги. С. 81–85.

⁴⁶ В то время как в работах автора этих строк особое внимание было уделено заключительным известиям этого памятника (см.: Усачев А. С. Степенная книга и русское летописание 60-х г. XVI в.: постановка проблемы. С. 107–108; *Его же*. Степенная книга и древнерусская книжность времени митрополита Макария. С. 252), С. Н. Богатырев провел сравнительный анализ ряда более ранних по хронологии сообщений (начиная с конца XIV в.).

⁴⁷ Богатырев С. Н. Датировка Степенной книги. С. 82.

⁴⁸ Кусков В. В. Степенная книга как литературный памятник XVI века. С. 195.

В качестве другого случая текстуальной зависимости Степенной книги от Свода 1560 г. С. Н. Богатырев приводит следующий фрагмент из Повести о псковском взятии 1510 г.⁴⁹:

Степенная книга	Свод 1560 г.
<p>«Въ другую же неделю и остаточныхъ лучшихъ псковичъ поимати повелѣ и земли ихъ своимъ помѣщикомъ разда...».</p> <p>(Степенная книга царского родословия по древнейшим спискам. Тексты и комментарии в трех томах. Т. 2. С. 292.)</p>	<p>«Да и помещиков князь великий в своей отчине во Пскове и по пригородом поместьи пожаловал. А велел помещиком, которые во Псковском уезде, — тем быти у больших наместников у псковских. А пригородцким помещиком велел быти у пригородцких наместников, которои в котором уезде».</p> <p>(Цит. по: Масленникова Н. Н. Присоединение Пскова к Русскому централизованному государству. Л., 1955. С. 193. Исследовательница опубликовала текст Повести о псковском взятии по Румянцевскому списку Свода 1560 г.)</p>

Очевидно, что в данном случае о текстуальной связи говорить не приходится. Основным аргументом историка в пользу мнения о зависимости этого рассказа Степенной книги именно от представленной в Своде 1560 г. версии Повести является указание на то, что Василий III раздал земли псковичей своим помещикам. Однако известие о наделении великим князем своих служилых людей землями, конфискованными у псковичей, уникальным не является: оно содержится не только в Своде 1560 г., но и в других источниках — в частности, в созданной в 60-е годы XVI в. явно независимо от Степенной книги и Свода 1560 г. Псковской III летописи⁵⁰. Ее связь со Степенной книгой сомнительна — для нас важно зафиксировать другое: в период, близкий к составлению Степенной книги, в ином книжном центре это известие попало на страницы летописи. Это, в свою очередь, указывает на то, что данный факт был известен современникам составителя Степенной книги и упоминание о нем привлечения дополнительного источника не требовало. В связь с этим поставим наблюдения Н. Н. Масленниковой: исследовательница, специально рассмотрев рассказ Степенной книги о присоединении Пскова, заключила, что «новых фактов в этой редакции не приводится». Единственная деталь, отличающая рассказ Степенной книги от летописей (в том числе и от Свода 1560 г.), — упоминание о том, что псковские священники уговаривали горожан не противиться воле великого князя⁵¹.

Третья группа текстуальных параллелей Свода 1560 г. и Степенной книги связана с перепиской александрийского патриарха Иоакима и Ивана IV (23-я глава 17-й степени) — фиксируя их, исследователь полагает, что тексты соответствующих посланий (1556 и 1558 г.) составитель Степенной книги заимствовал из Свода 1560 г., а не из греческой посольской книги⁵². Безусловно, данные послания требуют специального текстологического анализа. На данном этапе можно зафиксировать, что их списки могли сохраниться не только в составе Свода 1560 г. и посольской документации — вполне вероятно, что копии послания вселенского патриарха русскому царю и ответного письма могли отложиться и в митрополичьем архиве. Во всяком случае, в настоящее время вряд ли можно оспаривать факт существования целого ряда имеющих митрополичье происхождение источников, использованных в памятниках летописания середины XVI в. и, судя по всему, в Степенной книге. В связь с этим поставим и уже отмеченные

⁴⁹ Богатырев С. Н. Датировка Степенной книги. С. 83–84.

⁵⁰ Псковские летописи. М., 1955. Вып. 2. С. 257–258. Сходный рассказ представлен и в Псковской I летописи (см.: Там же. Вып. 1. М.; Л., 1941. С. 96–97). Обзор показаний источников о присоединении Пскова к Русскому государству см.: Масленникова Н. Н. Присоединение Пскова к Русскому централизованному государству. С. 82–112.

⁵¹ Масленникова Н. Н. Присоединение Пскова к Русскому централизованному государству. С. 106–107.

⁵² Богатырев С. Н. Датировка Степенной книги. С. 84.

в историографии книжные контакты между светскими и духовными лицами из окружения царя и митрополита Макария — и те, и другие, по-видимому, в той или иной мере могли использовать как материалы Царского архива, так и митрополичьей библиотеки⁵³.

Совпадения во фрагментах, относящихся к событиям, современным составителю Степенной книги (независимо от их происхождения) — к 1556 и 1558 г., указывают лишь на привлечение источника, сообщающего о событиях 50-х годов XVI в. Очевидно, что данные параллели нельзя рассматривать как аргумент, достаточный для предположения о привлечении к созданию Степенной книги летописи, повествующей о событиях русской истории начиная с конца XIV в. Таким образом, следует признать, что датировка Свода 1560 г.⁵⁴ прямого отношения к вопросу о времени написания Степенной книги не имеет.

* * *

Резюмируя, зафиксируем, что в свете имеющихся в настоящий момент данных датировка создания древнейшей редакции Степенной книги временем не позднее конца 1563 г. представляется более убедительной. Гипотеза ее критика основана в первую очередь на предположении об использовании в Степенной книге Свода 1560 г., которое требует дополнительных аргументов. Кроме того, мнение о поздней датировке Степенной книги сталкивается с некоторыми другими представленными выше доводами, без пересмотра которых ее доказательная база в ее настоящем виде принята быть не может.

Вместе с тем прозвучавшие в работе С. Н. Богатырева критические аргументы наглядно демонстрируют, что появление в последние годы весьма значительного числа исследований, посвященных Степенной книге, не только не «закрыло» спорные вопросы в ее изучении, но и, напротив, дало в руки ученых дополнительный материал для новых размышлений над ключевыми вопросами в изучении этого важнейшего памятника древнерусской книжности XVI в. Это, в свою очередь, побуждает надеяться на то, что их итоги будут представлены в ближайшие годы в трудах как сторонников ранней датировки памятника, так и их критиков.

⁵³ См.: Шмидт С. О. Российское государство в середине XVI в.: царский архив и лицевые летописи времени Ивана Грозного. М., 1984. С. 165–166; Усачев А. С. Степенная книга и древнерусская книжность времени митрополита Макария. С. 256–259; *Его же*. Летописец начала царства и митрополичья кафедра в середине XVI в. // Проблемы отечественной истории и историографии XVII–XX веков: сб. статей, посвященный 60-летию Я. Г. Солодкина. Нижневартовск, 2011. С. 5–21; *Его же*. Митрополит Афанасий и памятники русского летописания середины — третьей четверти XVI в. С. 266–274.

⁵⁴ Следует отметить, что предлагаемая Б. М. Клоссом и принимаемая С. Н. Богатыревым датировка Свода 1560 г. серединой 60-х годов XVI в. в настоящий момент не является бесспорной. На это, в частности, указывают наблюдения, недавно сделанные К. Ю. Ерусалимским (см.: *Erusalimskii K.* [Rev.]. P. 730–731; также см. критические замечания в его адрес С. Н. Богатырева: *Богатырев С. Н. Датировка Степенной книги.* С. 85–88).

